

УДК 1(470+571)

ББК 87.3(2)6-63

Н 16

С.А. Титаренко,

доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: 8-(8772) 55-44-29, e-mail: Sergey_titarenko@mail.ru

А.А. Нагой,

кандидат культурологических наук, доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: 8-962-762-75-55

Уникальность стиля экзистенциального философствования Николая Бердяева (к 140-летию со дня рождения)

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассмотрена проблема обусловленности логики и стиля философствования Николая Бердяева спецификой его философской позиции. Реконструирована предложенная русским мыслителем особая логика трансляции смысла. Описан глубинный эзотерический пласт наследия мыслителя и показано, что он сформирован под воздействием особых жизненных и идейных обстоятельств. Выявлен особый, протоформический характер мыслеформ философствования, отличающийся от традиционного. Установлено, что особые мыслеформы выражали эзотерический компонент христианского мировоззрения мыслителя.

Ключевые слова: неакадемичность, терапия духа, бриколаж, эзотерическая деятельность, протоформы мысли, апофатическое познание.

S.A. Titarenko,

Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University, Maikop, ph.: 8(8772)-55-44-29, e-mail: Sergey_titarenko@mail.ru

A.A. Nagoy,

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University, Maikop, ph.: 8-962-762-75-55

Uniqueness of existential philosophizing style of Nikolay Berdyayev (Towards the 140th anniversary since birthday)

Abstract. The paper shows that logic and style of Nikolay Berdyayev's philosophizing is justified by specifics of his philosophical position. The authors reconstruct special logic of sense translation offered by the Russian thinker. Profound esoteric layer of the thinker's heritage created under the influence of special vital and ideological circumstances is described. A special protoform character of thought forms of philosophizing differing from the traditional is revealed. It is inferred that special thought forms expressed an esoteric component of Christian outlook of the thinker.

Keywords: non academicism, therapy of spirit, bricolage, esoteric activity, thought protoforms, apophatic knowledge.

В современной отечественной философии явно прослеживается тенденция к возрождению традиций философской культуры Серебряного века. В рамках этого интереса происходит обращение

к наследию Николая Бердяева. Однако усилившаяся вследствие политического стремления к евроинтеграции ориентация на западный стиль философствования вступает с этой тенденцией

в конфликт. Именно ориентация философии Бердяева на неакадемичность, в европейском понимании смысла этого термина, и выступает полосой размежевания. Особенно остро это почувствовали западные исследователи, рассматривавшие учение Бердяева как проявление уникального и самобытного типа русской духовности [1]. Вместе с тем их исследовательский интерес носил подчеркнuto историко-теологический характер, а само наследие рассматривалось либо как тип культурного пророчества, либо как теологический модернизм. Мысли этих авторов приводят нас к заключению, что на сегодняшний день малоисследованным является вопрос о выявлении уникальности философствования Бердяева.

Цель нашей статьи состоит в реконструкции оснований особой установки Бердяева на неакадемичность стиля своего философствования. Для этого мы рассмотрим его особую динамичную логику поиска смысла, четко скоординированную с коммуникативной спецификой текста, причины возникновения данной специфики и охарактеризуем данный подход как тип эзотерического проекта, основанного на особом характере мыслетформ.

Рассматривая биографию Бердяева, анализируя отзывы современников из близкого окружения и материалы личного архива, мы пришли к заключению, что свою задачу как философа он видел в радикальном изменении сознания, производимом путём разрушения всех его продуктов. Критика сложившегося комплекса идей должна была, по его замыслу, очистить сознание, поставить его перед непосредственным восприятием духа. Данная критика, однако, не представляла радикального нигилизма. Ведь в существующих идейных конструктах скрыт, по Бердяеву, застывший дух, но в ложно ориентированной направленности. Основная задача «терапевта духа» расплавить идею, выделить её духовное содержание и преобразовать его. Оказывается, что духовным в идее является, в первую очередь, не её смысловой конструкт, а энер-

гия поиска смысла. Постигнуть эту энергию смыслотворчества, правильно её направить в собственном духовном поиске, а, затем, передать своё видение читателю, слушателю лекций и докладов было основной задачей.

Для постижения этой энергии, а также правильных акцентов смыслопридания, достигнутых ранее философом, вырабатывается особая мыслительная процедура, которую мы назвали принципом «бриколаж». Этот термин образован от французского слова *bricolage*, которое имеет два значения. Первое значение — поделка, игрушка и данный термин в этом значении использовал Леви-Строс для анализа мифологического сознания культурно отсталых народов. Второе значение — движение окольным путём. Именно оно востребовано нами для описания методологической процедуры Бердяева. Философ конструировал всё идейное пространство своего поиска в биполярной перспективе. Каждому идейному конструкту, каждой реальности попавшей в поле его мыслительного поиска он противопоставлял антагонистический конструкт, противоположную реальность. При этом одна из полярностей явно носила для него предпочтительный характер, была полюсом положительного, а другая приобретала противоположные оценки. После этого начинался процесс поиска подлинного смысла, который внешне напоминал движение между полюсами окольным путём. Искомый смысл рождался в процессе этих блужданий как нечто третье.

Данная логика складывается у Бердяева в 1914-1916 годах. Описывая свой проект в ряде работ указанного периода, философ подчеркивает, что это не гегелевский синтез тезиса и антитезиса, как чисто логический синтез, он осуществляется бытийственно, через выход в иное состояние. Для Бердяева противоречивость мысли есть последствие распада нашего неподлинного бытия. Следовательно, подлинный синтез требует выхода в иное бытие. Придавая своей логике онтологический характер, философ делает её элементом

космиургической деятельности, к которой, по его основному замыслу, предназначен человек. Однако сам этот выход невозможен без обострённого осознания противоречий.

В ранних набросках к «Самопознанию», сделанных в конце 20-х годов, философ указывает: «Острота ума предполагает различие противоположностей» [2]. Бердяев утверждает эту логику, как новую динамическую позицию, не впадающую в крайности догматизма и скептицизма. В один из переломных периодов своего творчества в работе «Философия свободного духа» (1928) Бердяев, объясняя специфику своей мысли пишет: «По складу своего темперамента я облакаю в утверждающую и прикровенную форму свои мучительные вопрошания. Я вопрошаю и ставлю проблемы в форме утверждений. Но мышление моё во внутреннем существе своём проблематическое, не скептическое, а проблематическое» [3]. В работе «Самопознание. Опыт философской автобиографии» Бердяев описывает эту проблему в ином ракурсе: «Мне свойственны не сомнения, а духовные борения, противоречия. Я не сомневаюсь, я бунтую. Но и бунтую, я всегда утверждаю. Моё познание осуществляется не в форме внутреннего диалога, в котором преодолеваются сомнения и возражение, предоставленные самому себе. Возражения против моей мысли и моего познания я всегда проецировал во-вне, в образе врага моих идей и верований, с которым я вёл борьбу... Но неверно было бы думать что я мыслю догматически. Я верил в истину, которую искал, верил в Бога, которого искал. Но я был ищущим, был в движении...» [4]. В согласии с романтиками, Бердяев полагал, что всякая застывшая, «готовая» истина есть охлаждение, окостенение, умирание, поэтому подлинное обретение смысла возможно лишь в динамике. Итак, смысл обретаемый философом как раз и состоял в вере в творческий поиск смысла, реализуемый в движении между полюсами противоположных точек зрения, которое имеет характер рассуждения витками.

Бердяев не просто сам искал смысл, а пытался заразить своим поиском других, поскольку в его новой интерпретации философия являлась не только сферой выработки новых смыслов, но и сферой подлинного общения по поводу них. Он полагал, что, так как она вырабатывает универсальный смысл, в отличие от других отраслей культуры, то она способна изменять человеческое мировоззрение всецело. В беседах, в спорах, в лекциях Бердяев бескомпромиссно отстаивает свою точку зрения. В споре он гневно ополчается не на других людей, а на чужие идеи, и именно им он радикально враждебен. Опровергнуть чужое, значит утвердить своё.

Ещё в юности, в период участия в марксистском движении на опыте Луначарского, исповедовавшего в то время ницшеанский активизм, Бердяев убеждается, что истина осуществляется путём признания её значимости остальными. Однако для доказательства своей позиции Луначарский использовал развёрнутые цепи аргументации, за которыми не всегда могли следовать слушатели, вследствие чего не всегда можно получить ожидаемый успех. Ещё менее успешным он считал способ изложения, реализованный в лекциях его университетского учителя Георгия Ивановича Челпанова. После развёрнутых цепей аргументации тот предлагал вероятностные суждения. В своих лекциях учитель обосновывал точку зрения монадологического спиритуализма. Молодой ученик также приходит к необходимости разработки данной позиции, однако не обращается за консультациями к своему учителю, поскольку не замечает её у него. Впоследствии, Бердяев приходит к убеждению, что наиболее эффективно передача информации осуществляется не с помощью аргументации, а путём ярких и отчётливых формул. В «Смысле творчества» (1916) он пишет: «Убеждает и заражает в философии совершенство формул, их острота и ясность, исходящий от них свет, а не доказательства и выводы» [5]. По его мнению, истины принимаются

или отвергаются интуитивным актом выбора, доказательства лишь служат обоснованию уже свершённого избрания. А, следовательно, речь философа должна быть обращена к избирающей воле слушателя, направлять её в сторону своего пути и противодействовать другому. Отсюда и гневное обличение других путей как неистинных. В данной ситуации приведение к своему подходу не навязывается. Из этого и вытекает особый способ изложения своей точки зрения через обоснование и развитие противоположной точки зрения, а затем последующее её опровержение. Здесь теологический метод апофатического познания был преобразован Бердяевым в своеобразную апофатическую риторiku. Бердяев, несмотря на свой деспотизм в отношении противоположных ему идей, в отношении своей позиции подводил, настраивал, но не навязывал.

Однако, реализуя данный проект, философ приходит к осознанию того, что окружающая интеллектуальная среда не понимает и не принимает его подхода. Дописывая «Самопознание...» в последний год своей жизни он признаётся: «Но трудно сделать понятными мои мысли, слишком элементарна среда, которая сейчас имеет силу» [6]. Описывая свои отношения с окружающими, Бердяев отмечал, что в его взглядах ценили не то, что он считал самыми существенными своими идеями. Он объяснял это тем, что люди, симпатизировавшие ему, не обращали внимания на его центральные религиозные идеи, чтобы избежать своих разногласий, в то время как некоторые идейные противники чаще обращали внимание на главное в его мысли [7]. Поэтому атмосфера идейной конфронтации приносила ему больше пищи для размышления, чем атмосфера идейного согласия. Несмотря на неоднократные указания на то, что его не заботит литературная критика его творчества, он иногда её даже не читает, на то, что наличие единомышленников и последователей сковало бы свободу его творчества, на то, что он стремится не к созданию совершенного продукта в сво-

ём произведении, а к выражению той реальности, которую он постиг, Бердяев всё же писал не для себя, а для других. Поэтому он признаётся: «У меня в жизни было мало претензий, чтобы со мной соглашались и за мной следовали, но мне очень хотелось, чтобы меня поняли, чтобы мою тему заметили и признали её значение. Но и этого трудно было достигнуть. ... Я не умел дать почувствовать свою центральную тему» [8]. Задумываясь над этой ситуацией, он даёт объяснение причин непонимания своей мысли: «Меня мучит, что меня плохо понимают. Вероятно, я сам тут виноват. Я мало сделал, чтобы объяснить противоречивость моей жизни и мысли... Моя мысль очень динамична, и я верен себе в этой динамичности» [9]. Однако не только особое проблематичное изложение является причиной непонимания. Сама эта проблематичность являлась способом решения другой проблемы.

Как свидетельствуют многие автобиографические записи, с детства Бердяев укоренил в себе отчуждение от окружающих, что приводило к неумению обрести дружеское близкое общение и наладить свои отношения с коллективом. Наследственная вспыльчивость и психологическое барство усугубляли это состояние. И хотя сам философ осознал этот свой недостаток в общении в близком кругу и стремился с ним справиться, в силу чего особенно ценил свои редкие минуты дружбы и душевного общения, в интеллектуальном общении он оставался индивидуалистом. Бердяев болезненно переживал эту проблему, а его жена помогла ему её чётко выразить: «Ни говорит мне: какое странное противоречие в себе чувствую я. С одной стороны я человек социальный, я люблю общество, общение, участвую и всю мою жизнь участвовал в самых различных начинаниях, но с другой — находясь в обществе или участвуя в тех или иных делах, я всегда чувствую себя на бесконечно далёком расстоянии от всего и всех. Как это объяснить?» Я: «Я думаю, что основное для тебя в общении с людьми и участии

в общ<их> делах — это внести туда нечто своё, направить и людей, и те или иные начинания по своему пути, наложить свою печать. Отнюдь не смешиваясь и не соединяясь и не получая от других в этом общении, а утверждая себя, своё...» Ни: «Пожалуй ты права» [10].

К этому прибавлялось нежелание проявлять учительское жизненное служение. Считая основным своим призванием быть экзистенциальным философом, Бердяев считал, что он не должен тратить своего времени и сил на понимание души другого и водительство над ним, а именно это он подразумевал под учительством жизни. И хотя философ и считал одной из важных христианских добродетелей любовь к ближнему, участие в его жизни, проявление жалости к нему, и полагал, что помимо движения «вверх» к высшему должно осуществляться нисхождение, к людям, он всё же отмечал недостаточность этой деятельности у себя, вызванную исключительной концентрацией на своём творческом призвании. Извне, от окружающих людей он получал лишь пробуждающие его мысль толчки, вся же его деятельность проходила во внутренней жизни. Поэтому довольно точно В.М. Розин относит творческий проект Бердяева к эзотерической деятельности [11]. Вместе с тем, Николай Александрович всё же пытался выразить эту жизнь во вне, объективировать её в тексте, используя при этом язык передовой философии своего времени. В этом ключе он упрекал романтиков в остановке на экзистенциальном этапе, в исключительной погруженности в «как», в то время как полнота творческого процесса требует «что», требует постоянного стремления к раскрытию тайны. Однако опыт Бердяева настолько разнился со всеми существовавшими до него идеями, что для его усвоения необходимо было радикальное очищение от всех принятых идей и установок.

Насколько нов опыт Бердяева? Как всякий эзотерик, Николай Александрович считал его уникальным, и хотя он и находил предшественников, и даже,

в определённые периоды — единомышленников, но в конце жизни, подводя итог своей мысли заявляет: «Никогда и не с кем я не почувствовал идейного родства, хотя всегда искал родство и готов был его преувеличивать (это я думаю сейчас о Бёме)» [12]. В результате стремления к переработке философским осмыслением экзистенциального переживания он решает задачу перестроить традиционный мыслительный аппарат философии, уйдя от категорий, находящихся во власти общего и передающих лишь состояние внешнего, объективируемого мира. Поэтому он выступает против всей традиции академической философии, хотя и отмечая у ряда её представителей, таких как Платон и Кант, выдающиеся образцы мысли. И хотя в споре о приоритете теологии и философии Бердяев становится на сторону философов, утверждая, что теология всегда использовала мыслительный аппарат передовой философии, сам он строит радикально новый проект философствования, носящий теологический характер.

В основе смыслотворчества философа лежат особые формы мысли — протоформы. Они носят непонятный характер. Здесь определённые признаки описываемых реалий выходят на первый план, и хотя они не отвлекаются от целостного образа, но внутри него уже отличаются от других признаков. Благодаря этому преформируется целостный образ, его содержание утрачивает обусловленную восприятием пространственную и временную конкретность. Однако протоформа не переходит в понятие, различие есть лишь акцентуация при сохранности всего исходного состава образа, здесь ещё нет отвлечения лишь некоторых наиболее существенных черт реалий, мыслимых как таковые, что происходит в понятии. Мышление на уровне протоформы оперирует единым целостным образом, а не расчленёнными и отвлечёнными друг от друга элементами, как в понятийном мышлении.

Именно такой стиль смыслотворчества требовался для передачи данных мистического опыта, в которых

выявлялось отношение человека к Богу и предугадывалась дальнейшая перспектива человечества. Однако будучи не просто эзотериком, а христианским философом, разделяющим свою ответственность за судьбу этого мира, Бердяев соотносил свой проект с реальной действительностью. А она требовала уже традиционных методов осмысления. В результате — наследие Бердяева имеет два уровня или среза. В «Самопознании» он раскрывает это: «В моей деятельности было эзотерическое и экзотерическое. Экзотерически я выражал себя лишь в некоторых книгах и интимных беседах... Эзотерически я исповедую эсхатологическое и мистическое христианство. По своему характеру я делал экзотерическим то, что вызывает наибольшее отталкивание» [13]. Итак, эзотерическим или глубинным являлось для Бердяева эсхатологическое и мистическое христианство. Мы полагаем, что данное признание является ключом к постижению тайн его творчества. Однако в «Самопознании» есть и самооценка, противоречащая части этого описания. Раскрывая свою творческую работу, он пишет: «Я никогда не обдумываю формы, она сама собой выливается, моя мысль даже изначально связана с внутренним словом. Я почти никогда не исправляю и не обдумываю написанного, могу печатать в том виде, как первоначально писалось.... В оформлении своей мысли, в своём отношении к писанию я не артист, интересующийся совершенством своего продукта.... У меня нет никакого рефлексирования над своим писанием, никакого интереса к тому, найдут ли другие хорошим то, что я написал» [14]. Эта более ранняя цитата из той же книги частично противоречит приведённой ранее. Возникает вопрос — приспособлял ли Бердяев к окружению свои мысли, делая их экзотерическими, или выражал всё именно так, как думал. Однако если учесть, что Бердяев растворял весь свой жизненный мир в своей философии, а его жизнь была полна динамики и борьбы духа, то его философский текст и является глубоко погружённым в

творчество стилем жизни. Итак, если Бердяев писал, как думал, то это значит ещё и то, что он думал, как писал. А если учесть его неоднократные утверждения, что его жизнь и мысль была наполнена динамикой, он каждый раз многое видел в новом свете и не любил обращаться к прошлым мыслям, то в эволюции его мысли нет линейной преемственности, а, следовательно, этапы более внутренней, эзотерической мысли могли сменяться этапами внешней, экзотерической. Соответственно, подводя итог своему творчеству в конце жизни, Бердяев высоко оценивал только первые. Он сетовал, что много сил и времени отвлек на внешние для своего творчества темы, не мог выдерживать постоянства афористического стиля, иногда срываясь к дискурсивным конструкциям. Наиболее ярко своё состояние он передал в следующем высказывании из «Самопознания»: «Всю мою жизнь я тосковал по разговору о самом главном, о последнем, преодолевающем дистанцию и условность, означающем экзистенциальное событие. Такие разговоры случались очень, очень редко. Я носил в себе подобный разговор, но не умел пробить средостение, принудить к нему другого. И сам я нередко становился условным, очень соблюдавшим дистанцию и бывал самому себе противен» [15]. Это искреннее признание, касающееся общения с французами, распространяемо на весь творческий путь философа. Бердяев говорит, что преимущество западного интеллектуального общения от русского в том, что здесь соблюдают должную дистанцию к личности и не переводят идейных разногласий в нравственные оценки. Поэтому в его жизни можно встретить неоднократные болезненные реакции на критику в русской среде. Жена Бердяева утверждает, что, только попав на Запад, от иностранцев муж стал получать позитивные отклики, в то время как в России была одна критика. Сам философ отмечает критичную оценку большинства своих религиозных идей со стороны русских религиозных мыслителей, ценящих и считающихся с ним за его западное признание.

Неприятие его идей, которое часто перерастало в неприятие личности, а также способ получения творческого вдохновения от сопротивления, заставляли мыслителя сконцентрироваться в первую очередь на критике, дистанцирующей борьбу от своей личности. Бердяев преобразовывал свою отвергнутость в отвержение им самим. Это и служило поводом для создания внешних планов его творческой личности. Но охранение единства своей личности вело ещё к одному результату, напрямую приводившему к экзотеризму. Русский философ утверждает, что мысль имеет не столько интеллектуальный, но и эмоциональный характер. Однако он отмечает в своём творческом стиле неумение и нежелание передать эмоцию, «выбрасывать сырьё души», что в творчестве он выражает философски выработанный результат осуществлённого синтеза. Но поскольку он носит символический характер, требующий адекватной интерпретации, эта интерпретация без генетических обстоятельств не представляется возможной. Он пишет: «И размышления мои часто бывали противоречивы. В том, что я писал,

я давал уже результаты внутренней борьбы, но самой внутренней борьбы могли и не заметить» [16].

Ещё одной причиной наличия экзотерического и эзотерического слоёв в его творчестве является использование двух методов познания — катафатического и апофатического. Хотя Бердяев и настаивал на расширении границ катафатического познания, но полагал, что это одновременно расширяет границы апофатического. Он считал, что в познании тайны она не исчезает, а лишь углубляется. Именно эзотеризм и являлся сферой выявления апофатического.

Подведём итог. Установка Бердяева на неакадемичность вытекала из особой специфики его философствования и прямо базировалась на продуцированном им новом типе мыслеформ. В основе их трансляции лежала особая логика мыслительного поиска. Именно мышление в этих формах и привело Бердяева к пониманию нового характера философствования как пропедевтики нового, мистического христианства. Эта тематика и является одной из важных тем для историка отечественной философии.

Примечания:

1. Смотрите работы Allen E.L. *Freedom in God: A guide to the thought of Nicholas Berdyaev*. N. Y.: Philosophical Library, 1951; Clarke O.F. *Introduction to Berdyaev*. London: G. Bles, 1950. 192 p.; Clément O. *Berdiaev, un philosophe russe en France*. Paris: Desclée de Brouwer, 1991. 243p.; Fluri Philipp *Personalism A new/old trend in post-marxist Russian philosophy// Theoria — Segunda Epoca*. 1993. Vol. VIII, №19. P. 149-155; Lampert E. *Nicolas Berdyaev // Modern Christian Revolutionaries / D. Attwater (ed.)*. N. Y., 1947. 96 p.; Lowrie D.A. *Rebellious prophet: A Life of Nicolai Berdyaev*. N. Y.: Harper & Brothers, 1960. 310 p.; Pflieger K. *La gnose orthodoxe de Berdaev // Iйricon*. Juli-août 1932; Tsambassis A.N. *Berdyaev's personalistic philosophy // Personalist*. 1965. Vol. 46. P. 327-341.
2. Бердяев Н.А. Самопознание (варианты набросков 20-е годы). РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 13. С. 8.
3. Бердяев Н.А. *Философия свободного духа*. М.: Республика, 1994. 480 с.
4. Бердяев Н.А. *Самопознание: опыт философской автобиографии*. М.: Книга, 1991. 448 с.
5. Бердяев Н.А. *Смысл творчества. Опыт оправдания человека // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 1*. М.: Искусство, 1994. С. 37-342.
6. Бердяев Н.А. *Самопознание: опыт философской автобиографии...*
7. Там же. С. 279.
8. Там же. С. 267.
9. Там же. С. 345.
10. Бердяева Л.Ю. *Профессия: жена философа*. М.: Мол. гвардия, 2002. 262 с.
11. Розин В.М. *Размышления о русской духовности (от Николая Бердяева до наших дней) // Горизонт*. 1991. №9. С. 13-38.
12. Бердяев Н.А. *Самопознание: опыт философской автобиографии...* С. 346.
13. Там же. С. 263.
14. Там же. С. 221-222.
15. Там же. С. 281.
16. Там же. С. 338.

References:

1. See the works of Allen E.L. Freedom in God: A guide to the thought of Nicholas Berdyaev. N. Y.: Philosophical Library, 1951; Clarke O.F. Introduction to Berdyaev. London: G. Bles, 1950. 192 p.; Clément O. Berdiaev, un philosophe russe en France. Paris: Desclée de Brouwer, 1991. 243p.; Fluri Philipp Personalism A new/old trend in post-marxist Russian philosophy//Theoria — Segunda Epoca. 1993. Vol. VIII, No. 19. P. 149-155; Lampert E. Nicolas Berdyaev//Modern Christian Revolutionaries/D. Attwater (ed.). N. Y., 1947. 96 p.; Lowrie D.A. Rebellious prophet: A Life of Nicolai Berdyaev. N. Y.: Harper & Brothers, 1960. 310 p.; Pfleger K. La gnose orthodoxe de Berdaev//Iéricon. Juli-août 1932; Tsambassis A.N. Berdyaev's personalistic philosophy//Personalist. 1965. Vol. 46. P. 327-341.
2. Berdyaev N.A. Self cognition (sketches of the 1920s). RGALI. F. 1496. Op. 1. Ed. Khr. 13. P. 8.
3. Berdyaev N.A. Philosophy of the free spirit. M.: Respublika, 1994. 480 pp.
4. Berdyaev N.A. Self cognition: experience of the philosophical autobiography. M.: Kniga, 1991. 448 pp.
5. Berdyaev N.A. The meaning of the creative act. Experience of justification of a person // Berdyaev N.A. Philosophy of creativity, culture and art: in 2 v. V. 1. M.: Iskusstvo, 1994. P. 37-342.
6. Berdyaev N.A. Self cognition: experience of the philosophical autobiography...
7. Ibidem. P. 279.
8. Ibidem. P. 267.
9. Ibidem. P. 345.
10. Berdyaeva L.Yu. Profession: a philosopher's wife. M.: Mol. gvardiya, 2002. 262 pp.
11. Rozin V.M. Reflections on the Russian spirituality (from Nikolay Berdyaev up to now) // Gorizont. 1991. No. 9. P. 13-38.
12. Berdyaev N.A. Self cognition: experience of the philosophical autobiography ... P. 346.
13. Ibidem. P. 263.
14. Ibidem. P. 221-222.
15. Ibidem. P. 281.
16. Ibidem. P. 338.